

Преданіе Церкви и преданія школы.

(Продолженіе).

Подводя итоги всему, до сихъ поръ разсмотрѣнному, мы приходимъ къ заключенію, что епископъ не долженъ и не можетъ рукополагать *безъ вѣдома* церкви, ея народа и клира, не можетъ и не долженъ совершать судъ *безъ вѣдома* церкви, ея народа и клира, не можетъ распоряжаться церковнымъ имуществомъ *безъ вѣдома* церкви, ея народа и клира. Дополнимъ перечисленіе это однимъ только еще свидѣтельствомъ канона. „Съ согласія (*γνώμη*) всего священства (*παντὸς ἱερατείου*) да назначится другой эконо́мъ, на опредѣленіе коего соглашается и епископъ Аполлоній, дабы церковное достояніе употребляемо было, на что должно (Феофила Александр. пр. 10).

Но если епископы, скажутъ намъ, не могутъ совершать нѣкоторыхъ дѣйствій безъ воли, рѣшенія, приговора, вѣдома церкви, ея народа и клира, то о пресвитерахъ прямо сказано, что они не могутъ совершать *ничего*; въ этомъ и различіе ихъ полномочій на служеніе. Какъ понимать это *ничего* (*μηδέν*): въ ограниченномъ, условномъ значеніи слова или въ безграничномъ и абсолютномъ? Отвѣтимъ на это однимъ только примѣромъ. „Сельскіе пресвитеры въ городскомъ храмѣ (*Κυριακῶ*) въ присутствіи епископа и пресвитеровъ города не могутъ совершать приношеніе (*προσφέρειν*), равно какъ давать въ молитвѣ хлѣбъ или чашу (т. е. совершать евхаристію). Если же они отсутствуютъ (*ἐὰν δε ἄπωσι*) и сельскій одинъ будетъ призванъ на молитву: да преподаетъ“. (Неокес. 13). Естественно, что сельскій пресвитеръ не можетъ быть приглашенъ на молитву епископомъ и городскими

пресвитерами, ибо они отсутствуют, а потому подъ приглашеніемъ (*κλησις*) можетъ быть подразумѣваемо только приглашеніе церкви или отдѣльныхъ вѣрующихъ. Но этого приглашенія достаточно къ уполномочиванію его на служеніе тамъ, гдѣ безъ него и при наличности городскихъ пресвитеровъ онъ не могъ бы совершать священнослуженія. Если же безъ воли, рѣшенія, приговора и даже безъ вѣдома епископа онъ можетъ при отсутствіи его совершать таинство въ его собственномъ храмѣ, то еще съ большимъ правомъ можетъ онъ совершать его въ собственномъ своемъ приходѣ, безъ всякаго порученія, кромѣ даннаго рукоположеніемъ. Если же можетъ онъ совершать въ приходѣ своемъ евхаристию, то можетъ совершать и все, къ чему уполномоченъ онъ рукоположеніемъ въ этомъ приходѣ, какъ и епископъ въ своемъ приходѣ—епископїи, все, къ чему уполномоченъ онъ рукоположеніемъ въ него, включая въ кругъ дѣйствій своихъ и самое рукоположеніе. Но въ чужомъ приходѣ—епископїи епископъ въ свою очередь не можетъ совершать рукоположеній, да и вообще не можетъ совершать ничего *безъ вѣдома* (*ἀνευ γνώμης*) того епископа, которому этотъ приходъ принадлежитъ. Но и этого *вѣдома* представляется еще недостаточнымъ. Словомъ, ни приходскій пресвитеръ, ни епископъ не могутъ совершать ничего не входящаго въ предѣлы приходскихъ или епархіальныхъ (въ теперешнемъ смыслѣ) ихъ полномочій *безъ вѣдома* или разрѣшенія первый епископа, а второй—соотвѣтствующей для того церковной власти. Въ этомъ отношеніи существуетъ полная аналогія въ ихъ положеніи. „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ и признавати его яко главу и ничего *лишняго* (*μηδὲν περιττόν*) недѣлать безъ его вѣдома. Творить же только то, что касается до его прихода (*παροικία*) и подлежащихъ странъ. Но и сей *безъ вѣдома* *всѣхъ* ничего да не творить. Ибо такъ будетъ единомысліе (*ὁμόνοια*) и прославится Богъ о Господѣ во Святомъ Духѣ, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ“ (Апост. 34).

Просмотримъ вышеозначенную аналогію до конца. Пресвитеръ рукополагается не иначе, какъ въ опредѣленный приходъ (Халкид. 6) и при этомъ рукоположеніи или точнѣе черезъ самое это рукоположеніе уполномочивается совершать священнослуженія, крестить, учить, заступать народъ, править и т. д. Гдѣ? Разумѣется, въ этомъ ввѣренномъ ему че-

резъ рукоположеніе приходѣ. Чего же не можетъ онъ совершать безъ особаго о томъ вѣдома, согласія и т. д. (*γνώμη*) епископа? Не можетъ онъ совершать ничего не входящаго въ кругъ непосредственныхъ его приходскихъ обязанностей, полномочій, не можетъ совершать ничего лишняго, какъ ничего лишняго, не входящаго въ кругъ епархіальныхъ обязанностей и полномочій не можетъ совершать и епископъ безъ вѣдома (*ἀνε γνώμης*) перваго среди нихъ. Но и этотъ первый ничего лишняго, большаго не можетъ творить безъ вѣдома всѣхъ. Мы уже видѣли, что тоже *безъ вѣдома всѣхъ*, входящихъ въ составъ его прихода—епископїи не можетъ епископъ совершать рукоположеніе, производить судъ, распоряжаться церковнымъ имуществомъ, назначать эконома т. е. вообще ничего большаго противъ круга общеіерейскаго служенія въ приходѣ съ добавленіемъ къ сему еще рукоположенія, ибо только рукопоженіемъ представляются епископы превосходящими пресвитеровъ (Златоустъ), *quid excepta ordinatione facit episcopus, quod presbyter non faciat* (Іеронимъ). Такимъ образомъ, положеніе епископа въ его приходѣ (*παροικία*, по теперешнему епархїя) представляется вполне аналогичнымъ положенію пресвитера въ его приходѣ и положенію митрополита въ его области. Это вполне противорѣчитъ свободнымъ фантазіямъ „предсоборныхъ канонистовъ“ и установившейся по образцу римскаго католицизма школьной, схоластической рутинѣ, но вполне согласуется со всѣми церковно-историческими данными, со всѣми канонами и святоотеческими свидѣтельствами. Пусть укажутъ хотя одинъ канонъ, которымъ предоставлялась бы епископамъ бѣльшая по объему и самостоятельности власть,—власть, которую св. отцы, какъ напр. Исидоръ Пелузіотъ, называютъ самоуправствомъ и самозаконіемъ. Такого канона нѣтъ, да его и не могло быть. Но пусть воздерживаются усердствующіе отъ указанія на 39 Апостольское правило, что хорошо было въ предсоборномъ присутствїи, гдѣ невозможно было при каждой повторной ссылкѣ повторять и всѣ сдѣланныя ранѣе возраженія. Вѣдь если понимать правило это буквально, да притомъ еще въ существующемъ русскомъ переводѣ, то придется заключить, что приходскій пресвитеръ безъ особаго на каждый разъ соизволенія епископа не можетъ ни совершать евхаристїи, ни крестить, ни благославлять брака или погребать умершаго, да

и въ частной жизни своей не можетъ вообще ничего дѣлать безъ особаго на каждый разъ соизволенія. Если пресвитеръ рукополагается въ опредѣленный приходъ, въ опредѣленную приходскую церковь съ полномочіемъ крестить, совершать евхаристію, наставлять народъ, учить, управлять и т. д., рукополагается, чтобы совершать все это, какъ указываетъ прямо произносимая при рукоположеніи молитва, просящая у Бога умноженія предстоятелей церкви, въ лицѣ рукополагаемаго, то ограниченіе его дѣятельности въ этомъ отношеніи позволеніемъ, раздѣленіемъ порученіемъ или волею епископа, было бы по меньшей мѣрѣ отрицаніемъ силы самого рукоположенія. Наконецъ, если понимать 39 правило въ его буквальномъ смыслѣ, то точно также буквально слѣдуетъ понимать и слова 34 правила, по коимъ первый изъ епископовъ (митрополитъ) ничего не долженъ творить безъ воли, вѣдома, разрѣшенія и т. д., т. е. *γνώμη* всѣхъ сопредѣльныхъ ему епископовъ, которые должны знать и почитать его, какъ главу, и въ свою очередь ничего не дѣлать безъ его *γνώμη*.

Сопоставляя предъявляемыя епископамъ, митрополитамъ, пресвитерамъ и діаконамъ требованія и запрещенія, мы получаемъ слѣдующую систему:

1) Епископы обязаны *μηδὲν τι πράττειν ἄνευ ἐκείνου γνώμης*— т. е. не должны дѣлать ничего чрезмѣрнаго, лишняго, превосходящаго мѣру безъ *γνώμη* митрополита „Дѣлать же каждому только то, что касается его прихода (*παροικία*) и принадлежащихъ къ нему селеній (Пр. 34).

2) Первый или митрополитъ тоже не творить чего либо безъ *γνώμη* всѣхъ—*μηδὲν ἐκείνος ἄνευ τῆς πάντων γνώμης ποιεῖτο τι* (Пр. 34). Подразумѣвается, что и онъ можетъ творить только то, что относится къ его приходу—*παροικία* и селеній къ нему принадлежащихъ и не долженъ творить только ничего большаго, превосходящаго эту мѣру, хотя дѣятельность въ собственномъ его приходѣ словами и не указана.

3) Пресвитеры и діаконы безъ *γνώμη* епископа ничего да не совершаютъ. Само собою разумѣется, что это требованіе не можетъ относиться къ сельскимъ пресвитерамъ (*πρεσβύτεροι ἐπιχώριοι*) рукоположеннымъ не *ἀπολύτως* т. е. безразлично куда, безусловно, не *ἀπολελυμένως* т. е. отрѣшенно, но *ἰδίως* т. е. опредѣленно, въ частности въ церкви селенія (*κώμη*), которой онъ назначается.

Вообще 39-ое правило апостольское могло быть понимаемо и принимаемо въ абсолютномъ, буквальномъ своемъ смыслѣ только въ тотъ періодъ церковнаго развитія, когда вся епископія представляла только одинъ нераздѣльный приходъ съ однимъ жертвенникомъ, однимъ собраніемъ вѣрующихъ, съ одною евхаристіей и однимъ епископомъ, какъ исполнителемъ всѣхъ церковныхъ требъ, а пресвитеры составляли только обязательный для него совѣтъ, сенатъ или синедрионъ церковный и только иногда являлись замѣстителями его въ служеніи, конечно, съ вѣдома его и соизволенія. Отрицательное, по существу своему 39-ое правило апостольское, представляющее только совершенно общее воспрещеніе всякой независимой и самостоятельной дѣятельности пресвитера, имѣетъ и сравнительно болѣе конкретное, опредѣленное выраженіе въ правилѣ 28, принадлежащемъ несомнѣнно тому же самому періоду церковнаго развитія. Полное искаженіе его русскимъ переводомъ, сущности нашего предмета отнюдь не касающееся, побуждаетъ насъ передать его, буквально придерживаясь подлинника. „Если какой либо пресвитеръ, презрѣвъ своего епископа (или замысливъ противъ своего епископа — *καταφρόνησας τοῦ ἰδίου ἐπισκόπου* — пренебрегши своимъ епископомъ) будетъ собирать особо (*χωρὶς συναγωγῆς*) и соорудить другой жертвенникъ (другой, второй *ἕτερος*, а не иной *ἄλλος*), ничего не опознавъ худого (*μηδὲν καταγνωστός*) за епископомъ въ благочестіи и праведности, да будетъ изверженъ, какъ любоначальный. Итакъ, для проявленія преступной дѣятельности пресвитера требуется, прежде всего, сооруженіе имъ другаго, втораго жертвенника, что равносильно указанію на существованіе одного только жертвенника во всей, пасомой епископомъ церкви: *ἐν θυσιαστήριον, μία εὐχαριστία*, какъ говоритъ Игнатій Богоносецъ. Но мало того, что этотъ жертвенникъ одинъ; канонъ предполагаетъ, что сооруженіе другаго, втораго не можетъ еще быть вызываемо потребностями церкви или самихъ вѣрующихъ, но можетъ быть только послѣдствіемъ любоначалія, надменности или замысловъ того или иного пресвитера „ибо онъ тиранъ, присвоитель власти, принадлежащей епископу, — *τίρανός γάρ ἐστιν*. Но въ равной степени правило подразумѣваетъ и наличность и достаточность одного только богослужебнаго собранія во всей, управляемой епископомъ церкви, ибо только

любоначаліе, надменность или замышленія того или иного пресвитера могутъ быть причиною и поводомъ образованія особыхъ собраній (*χωρίς συναγωγῆς*), наряду съ тѣмъ, въ которомъ предстательствуетъ епископъ кунно съ сослужащими ему діаконами и пресвитерами. „Когда же собираешь Церковь Божію, внушаютъ епископу Апостольскія Постановленія, то какъ бы кормчіи корабля, со всѣмъ знаніемъ приказывай составлять собранія, повелѣвая діаконамъ, какъ матросамъ, чтобы назначали мѣста братіямъ, какъ бы пловцамъ со всѣмъ тщаніемъ и степенностью... Въ срединѣ да будетъ поставленъ престоль епископа, а по обѣимъ сторонамъ его пусть сидитъ пресвитерство и стоятъ проворные и легко одѣтые діаконы, ибо они уподобляются матросамъ и надсмотрщикамъ надъ гребцами по бокамъ корабля; а по ихъ распоряженію въ другой части зданія пусть сядутъ міряне со всѣмъ безмолвіемъ и благочиніемъ, а женщины—отдѣльно, и онѣ пусть сядутъ, соблюдая молчаніе. Въ срединѣ же чтець и т. д.“ (II, 57). Таково было въ періодъ возникновенія разсматриваемаго нами правила единственное литургическое, богослужебное собраніе во всей управляемой епископомъ церкви, при наличности одного только жертвенника и при воспрещеніи ради сохраненія церковнаго единства другого жертвенника или другихъ жертвенниковъ—второго и послѣдующихъ для существованія около нихъ другихъ собраній, наряду съ тѣмъ, въ которомъ священнодѣйствуетъ самъ епископъ. Но и это, указанное выше воспрещеніе выражается въ канонѣ только совершенно условно, а отнюдь не вообще. Дѣйствія пресвитера становятся преступными и предосудительными только тогда, когда для созыва особаго отъ епископа собранія и для сооруженія съ этою цѣлью другого жертвенника онъ не имѣетъ другого мотива и побужденія, кромѣ любоначалія, присвоенія себѣ епископской власти (*τίσανός γαρ ἐστί*), отторженія отъ епископа части ввѣренной ему церкви, не опознавъ, не запримѣтивъ ничего за епископомъ въ благочестіи и праведности. Отсюда ясно, что, запримѣтивъ или опознавъ за епископомъ что-либо противное благочестію и праведности или справедливости, онъ можетъ или даже и долженъ поступить такъ, какъ не можетъ и не долженъ поступать по любоначалію или стремленію къ власти. Совершенная ясность этого смысла не могла не усколь-

знуть отъ вниманія синодальнаго переводчика, который и счелъ себя вынужденнымъ заслонить этотъ опасный, по его мнѣнью, смыслъ словами: „не обличивъ судомъ епископа ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ“.

Но это указаніе на „обличеніе судомъ“ составляетъ только совершенно произвольную вставку переводчика, не только не оправдываемую подлинникомъ, но и совершенно искажающую его смыслъ и исполнѣ противную ученію православной церкви. Мы приводили неоднократно свидѣтельства отцовъ, что худыхъ пастырей, хотя бы и епископовъ, слѣдуетъ отвращаться, а не слѣдовать за ними и покоряться имъ. Приведемъ въ настоящемъ случаѣ только 72-ое нравственное правило Василия Великаго, говорящее именно объ учителяхъ іерархахъ. „Слушатели поставленные въ Писаніи, гласить оно, должны вникать, что говорятъ учащіе и согласное съ Писаніемъ принимать, а несогласное отметать и тѣхъ, которые держатся ученій, несогласныхъ съ Писаніемъ, всячески отвращаться. Обладающіе немногимъ знаніемъ Писанія должны познавать достоинство святыхъ по плодамъ Духа, и у кого есть эти плоды, тѣхъ принимать, а у кого нѣтъ, тѣхъ отвращаться“. Тотъ же Василиій Великій хвалитъ въ одномъ изъ писемъ своихъ всѣхъ вѣрующихъ, которые, отстраняясь отъ аріанствующихъ своихъ епископовъ, въ лѣсахъ, пустынныхъ мѣстахъ и на могилахъ мучениковъ совершали молитвенныя свои, богослужебныя собранія, —особо, отдѣльно отъ епископа. Златоустъ, Теодоритъ и Факундъ Германскій съ великою похвалою повѣствуютъ о Діодорѣ и Флавіанѣ, въ послѣдствіи епископъ антиохійскомъ, которые отвлекая вѣрующихъ отъ аріанствующаго епископа Антиохіи—Леонтія, на могилахъ мучениковъ совершали особыя отъ него собранія. Но намъ не зачѣмъ подтверждать обильными фактами то, что само собою вытекаетъ изъ правила. При нормальномъ состояніи Церкви безспорно лучше прерывать общеніе епископа, предварительно обличивъ его судомъ, но состояніе Церкви, увы, не всегда бываетъ нормальнымъ, а потому апостольское правило не обвиняетъ пресвитера, даже и тогда, когда онъ предваряетъ этотъ судъ, водружая въ мѣстной церкви другой или второй жертвенникъ и творя богослужебныя собранія особо отъ епископа. Но правило это не можетъ имѣть отношенія къ эпохѣ такого церковнаго

развитія, когда приходъ епископа имѣеть не одинъ, а множество жертвенниковъ, предназначенныхъ для множества богослужебныхъ собраній съ рукоположенными къ нимъ именно для этихъ собраній пресвитерами, уполномоченными черезъ рукоположеніе на совершеніе священнодѣйствій, ученіе, правленіе и заступленіе народа. Чтобы имѣть особья отъ епископа собранія, пресвитеру въ эпоху происхожденія этого правила необходимо было по собственному его любоначалию или по виновности епископа, имъ опознанной, отложиться отъ епископа, соорудить другой отдѣльный алтарь, отвлечь отъ него часть его паствы. И если онъ дѣйствуетъ по любоначалию, по стремленію къ власти, то виновность его распространяется и на отвлекаемыхъ имъ. „Такъ же будутъ извержены, продолжаетъ правило, и прочіе клирики, и тѣ, которые приложились къ нему; міряне же да будутъ отлучены. И это послѣдъ перваго, втораго и третьаго увѣщанія отъ епископа“. Сравнивая разсмотрѣнное правило съ 39-мъ, по существу совершенно однороднымъ и тождественнымъ, мы приходимъ къ необходимому заключенію, что буквальное, неограниченное пониманіе обоихъ правилъ возможно только тогда, когда въ приходѣ или области епископа существуетъ только одинъ жертвенникъ, одно богослужебное собраніе, въ коемъ пресвитеры являются только соучастниками епископскаго служенія, не могущими совершать этого служенія особо, самостоятельно. При организациі же приходовъ оба эти правила, если не почитать ихъ анахронизмами, получаютъ уже совершенно иной, ограниченный смыслъ. Пресвитеръ, опознавшій что либо за своимъ епископомъ или побуждаемый духомъ любоначалия, можетъ быть виновенъ только въ томъ, что по послѣдней причинѣ, а не по первой, отторгнется отъ своего епископа, прекратитъ общеніе съ нимъ, а не въ томъ, что воздвигаетъ другой жертвенникъ и будетъ созывать особья отъ епископа собранія, ибо онъ и рукоположенъ къ другому жертвеннику и для особыхъ собраній при немъ. Точно также этотъ рукоположенный къ особому жертвеннику и для особыхъ собраній пресвитеръ не можетъ не совершать ничего безъ *γνώμη* епископа, если не подразумѣвать подъ возбраняемымъ того, что превосходитъ мѣру приходскихъ его обязанностей, воспринятыхъ имъ чрезъ рукоположеніе, надъ нимъ совершенное. Но въ

этомъ случаѣ ограниченіе пресвитерскаго служенія совершенно тождественно съ ограниченіемъ служенія епископскаго или митрополичьяго, ибо и епископъ не можетъ совершать ничего внѣ своихъ приходскихъ обязанностей, подразумѣвая подъ приходомъ всю управляемую имъ мѣстную церковь, его *παροικία*, ничего лишняго (*περιττόν*) безъ *γνώμη* митрополита, какъ и митрополитъ ничего не можетъ совершать лишняго т. е. превосходящаго его прямыя обязанности къ его епископскому приходу, безъ *γνώμη* всѣхъ. Въ своемъ же приходѣ *παροικία*, каждый отъ пресвитера до митрополита совершаетъ служеніе свое вполне самостоятельно, что не исключаетъ, конечно, подчиненности пресвитеровъ епископу, какъ не препятствуетъ и епископамъ „знати перваго въ нихъ и признавати его, яко главу и ничего превышающаго ихъ власть (въ подлинникѣ лишняго, *περιττόν*) не творити безъ его *γνώμη*“.

Соединено ли вообще ограниченіе служебныхъ функций пресвитера, если даже и почитать ограниченіемъ возможность совершенія ихъ или части ихъ не иначе какъ съ *γνώμη* епископа,—съ неполнотою, несовершенствомъ и ограниченіемъ самой благодати, пресвитеру при рукоположеніи преподанной, какъ измышляютъ и упорно доказываютъ „предсоборные канонисты“? Правила превосходно доказываютъ противное, распространяя то же самое и на получившихъ рукоположеніе во епископа, но вовлекаемыхъ или включаемыхъ съ своими церквами въ составъ области (прихода), подчиненной епископу главнаго города. „Не подобаетъ въ малыхъ градахъ и селахъ поставляти епископовъ... а поставленнымъ уже прежде ничего не творити безъ воли (*ἄνευ γνώμης*)— епископа и града (*τοῦ ἐπισκόπου τῆς πόλεως*). Такжеже и пресвитерамъ ничего не творити безъ воли епископа (*ἄνευ γνώμης τοῦ ἐπισκόπου*—Лаод. 58). Итакъ, ограниченіе самостоятельныхъ дѣйствій необходимою *γνώμη* епископа города равно распространяются на пресвитеровъ, какъ и на епископовъ малыхъ градовъ и селъ, если эти послѣдніе вошли въ округъ управленія епископа града“. Святой соборъ разсудилъ, чтобы состояніе въ малыхъ градахъ или селахъ (*ἐν ταῖς κώμαις καὶ χωραῖς*) если и приняли они рукоположеніе во епископы (*εἰ καὶ χειροθεσίαν εἶεν ἐπίσκοπον εἰδηφῶτες*) знали свою мѣру (*εἰδέναι τὰ ταυτῶν μέτρα*) и управляли только подчинен-

ными имъ церквами и ограничивали ими свое попеченіе и распоряженія“ (Антіох. 10) Мѣра для рукоположеннаго во епископы и мѣра рукоположеннаго во пресвитеры, конечно, различны, но если, дѣйствуя въ свою мѣру, епископъ кому или хоры ничего не долженъ дѣлать безъ *γνώμη* епископа сверхъ этой мѣры, то и епископъ тоже только сверхъ своей мѣры ничего не долженъ былъ дѣлать безъ *γνώμη* перваго, или митрополита, а этотъ послѣдній въ свою очередь не долженъ былъ ничего дѣлать сверхъ своей мѣры безъ *γνώμη* всѣхъ.

Въ чемъ же заключается эта мѣра? Каноны неоднократно опредѣляютъ ее въ смыслѣ ограниченія потребностями непосредственной паствы прихода (Апост. 34, Антіох. 9, 10). За этими потребностями начинается уже лишнее (*περιστόν*). На первый взглядъ можетъ показаться, что Антіохійское правило слишкомъ скупо и скудно опредѣляетъ мѣру хореепископовъ, рукоположенныхъ во епископы, говоря „чтобы они ограничивали попеченіе и распоряженія подчиненными имъ церквами, чтобы поставляли чтецовъ, иподіаконовъ и заклинателей и довольствовались токмо производствомъ въ эти чины, а пресвитера или діакона не держали безъ воли (помимо—*δίχα*) сущаго во градѣ епископа, которому подчиненъ епископъ и его округъ (*χωρά*, которая ранѣе переводится черезъ село). По полномочіямъ воспринятаго рукоположенія хореепископы могли, конечно, рукополагать и пресвитеровъ, но должны ли были они дѣлать это для потребностей своихъ церквей и своихъ приходо́въ или чрезъ такія рукоположенія совершали бы нѣчто для нихъ лишнее и имѣющее значеніе только для церквей, имъ непосредственно не ввѣренныхъ? Хореепископствомъ, какъ прямо видно изъ антіохійскаго правила не называлася особая церковная степень. Хореепископами назывались епископы, но имѣющіе въ подчиненіи себѣ не городъ съ подчиненнымъ ему округомъ, мѣстечками, деревнями и пр., а только кому или хору, т. е. мѣстечко, село, поселокъ и т. п., къ коимъ никакой уже подчиненной имъ округи не существовало. Возникли эти самостоятельныя епископства тогда, когда достаточно было двѣнадцати человекъ для того, чтобы просить себѣ епископа и получить его, хотя при этомъ епископство и пресвитерство не имѣло еще опредѣленныхъ граней. Канониче-

ская жизнь встрѣчается съ хореепископствомъ—сельскимъ или деревенскимъ епископствомъ, какъ пережиткомъ стараго. Весь институтъ этотъ частію упраздняется, частію преобразовывается. Лаодикійское правило возбраняетъ рукополагать епископовъ въ комы и хоры, предоставляя епископамъ вѣдаться съ ранѣе уже рукоположенными на началахъ подчиненія ихъ на равнѣ съ пресвитерами. Сардикійское правило, не говоря о доживающихъ свой вѣкъ хореепископахъ въ полномъ значеніи этого слова, воспрещаетъ, вообще, рукополагать епископа въ кому (село) или малый городъ, которому достаточно одного пресвитера, т. е. гдѣ нѣтъ надобности рукополагать подчиненныхъ пресвитеровъ. Итакъ потребности приходо-сельскаго епископа, такъ называемаго хореепископа, не требовали рукоположенія пресвитеровъ, а потому и рукоположеніе пресвитеровъ превосходило мѣру дѣйствительнаго его служенія. Если ему возбранялось рукополагать пресвитеровъ, то потому только, что онъ могъ совершать это только либо по тщеславію и любоначалию, либо для потребностей другихъ не подчиненныхъ ему приходовъ, а въ этомъ случаѣ онъ не долженъ былъ дѣйствовать помимо (*δίχα*) епископа города, которому подчиненъ былъ весь подчиненный городу округъ, включая и его село или мѣстечко (*κώμη* или *χωρά*). Такимъ образомъ, ограниченіе свободы нѣкоторыхъ дѣйствій пресвитера черезъ подчиненіе ихъ *γνώμη* мѣстнаго епископа стоитъ внѣ всякой зависимости отъ особенностей рукоположенія во пресвитера, ибо и рукоположенные во епископа подчинены буквально тому же самому ограниченію, если управляемые ими сельскія церкви входятъ въ составъ округа, ввѣренной епископу города.

Но что представляетъ самая *γνώμη*, о которой велась вся эта рѣчь? Значеніе слова этого весьма разнообразно. Оно обозначаетъ и мысль вообще, и умыселъ, и изволеніе, и волю, и вѣдѣніе или знаніе чего либо, и изреченіе и приговоръ. Подраздѣлимъ все это многообразное значеніе на три основныхъ категоріи: повелѣнія, вѣдѣнія и соизволенія. Послѣднее значеніе можемъ присовокупить мы въ данномъ случаѣ потому, что рѣчь идетъ о дѣйствіи безъ посторонней воли, напр. безъ воли митрополита, что не прелятствуютъ волѣ митрополита совпадать съ волею епископа или

дѣйствіямъ послѣдняго съ волею напр. того же самаго митрополита, съ которой можетъ сама собой совпадать и воля дѣйствующаго епископа (*ἀνευ γνῶμης* и *μετὰ γνῶμης*). Требуемая во всѣхъ указанныхъ выше случаяхъ воля другого лица не устраняетъ воли дѣйствующаго и даже не предполагается стоящею въ разрѣзъ съ ней, а потому рѣчь идетъ о соизволеніи, приказаніи, порученіи. Вообще, во всѣхъ указанныхъ выше случаяхъ можетъ ли подъ *γνῶμη* подразумѣваться повелѣніе, порученіе, приказъ? „Предсоборные канонисты“ охотно допустили бы, да и допускаютъ такое значеніе слова *γνῶμη* въ 39 омъ правилѣ, толкуя его въ томъ смыслѣ, что пресвитеръ безъ выраженной воли епископа т. е. его порученія, приказанія или разрѣшенія ничего не долженъ творить. Но и они уже задумались бы отчасти признать, что епископъ ничего, хотя бы и лишняго не долженъ творить безъ порученія, приказанія или повелѣнія митрополита, что ставило бы его въ равное положеніе съ пресвитеромъ, а митрополитъ въ свою очередь ничего не долженъ совершать безъ приказанія или повелѣнія всѣхъ епископовъ.

Но канонъ требуетъ еще, чтобы и епископъ въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ дѣйствовалъ не иначе, какъ *μετὰ γνῶμης* пресвитеровъ и діаконовъ. Что же и въ этомъ случаѣ надо предпологать, что онъ долженъ ждать приказанія или порученія со стороны пресвитеровъ и діаконовъ, а пресвитеры и диаконы должны приказывать ему и поручать? Но если такого значенія слову *γνῶμη* нельзя придавать въ требованіи, чтобы епископъ дѣйствовалъ не иначе, какъ *μετὰ γνῶμης τῶν πρεσβυτέρων καὶ τῶν διακόνων*, то его нельзя и подразумѣвать и въ выраженіи *ἀνευ γνῶμης* по отношенію къ пресвитерамъ, епископамъ и митрополиту. Но, если значеніе повелѣнія, порученія, приказанія, какъ проявленіе воли одного, независимо отъ воли другого или даже вопреки ей, необходимо должно быть устранено, какъ несоотвѣтствующее всѣмъ случаямъ опредѣленія слова *γνῶμη* въ канонахъ, то почти всѣмъ такимъ случаямъ соотвѣтствуетъ истолкованіе этого слова въ смыслѣ извѣстности, вѣдѣнія, вѣдома. Почти: но не всѣмъ. Мы имѣемъ въ виду выраженія *παρὰ γνῶμης* и *κατὰ γνῶμης* (Ап. 15. 35. 36. Гангрскій 7. 8), равно какъ и выраженія *ἀνευ γνῶμης* и *μετὰ γνῶμης* (Антиох. 11. 22), когда

рѣчь идетъ очевидно не объ одной только освѣдомленности. Кромѣ того и въ тѣхъ случаяхъ одна только освѣдомленность однихъ лицъ о дѣятельности другихъ представлялась бы недостаточной и требованіе представлялось бы безсодержательнымъ, будучи въ общемъ только воспрещеніемъ всякой тайны въ дѣлѣ отпавленія церковныхъ обязанностей. Только одно понятіе о согласіи или соизволеніи является соотвѣтствующимъ всѣмъ случаямъ употребленія слова *υνομιη* въ канонахъ. Кто дѣйствуетъ по согласію или не безъ согласія того или иного лица, по соизволенію или не безъ соизволенія его, дѣйствуетъ по волѣ его и не безъ воли его, хотя и не безъ своей собственной воли и не вопреки ей, а сообразно и ей.

Такимъ образомъ ни епископъ, ни митрополитъ не могутъ совершать ничего превышающаго ихъ мѣру, т. е. удовлетвореніе общихъ, непосредственныхъ потребностей ввѣренныхъ имъ церковей безъ обоюднаго, взаимнаго, общаго согласія или соизволенія. Точно также епископъ не можетъ ни принять чужого клирика, ни совершать что либо въ чужомъ округѣ безъ согласія или соизволенія мѣстнаго епископа. Въ равной степени епископъ не можетъ совершить рукоположенія безъ согласія или соизволенія клира и народа, ибо клиръ вдаетъ, представляетъ имѣющаго воспріять рукоположеніе, а народъ одобряетъ его, свидѣтельствуетъ о немъ. Не можетъ епископъ распоряжаться церковнымъ имуществомъ безъ согласія или соизволенія пресвитеровъ, какъ безъ согласія и соизволенія всей церкви не совершаетъ и самого суда церковнаго. Но точно также и пресвитеры и діаконы ничего не могутъ и не должны совершать безъ согласія и безъ соизволенія епископа. Однако, по отношенію къ этому послѣднему виду согласія или соизволенія мы должны различать въ историческомъ развитіи церкви два періода: періодъ, когда пресвитеръ есть только общникъ и участникъ епископскаго служенія, при единственномъ въ мѣстной церкви жертвенникѣ совершаемаго, безъ права творить особо собранія, и періодъ, когда пресвитеръ рукополагается въ свой опредѣленный приходъ (*παροικία*)—часть прихода епископа (тоже *παροικία*) именно для того, чтобы совершать особо собранія, при другомъ, особо водруженномъ и освященномъ для того жертвенникѣ. И въ тотъ и въ дру-

гой періодъ онъ совершаетъ все не иначе, какъ съ согласія и соизволенія епископа, ибо и епископъ дѣйствуетъ только по согласію и соизволенію другихъ (клира, народа, пресвитеровъ и діаконовъ церкви); но въ первомъ случаѣ онъ долженъ получать соизволеніе епископа отдѣльно для каждаго отдѣльнаго священнодѣйства, имъ совершаемаго, а во второмъ—по отношенію къ цѣлой опредѣленной совокупности дѣйствъ онъ получаетъ его напередъ и разъ навсегда при самомъ рукоположеніи его въ приходскую церковь. Но для совершенія этого своего священнодѣйствованія въ ввѣренной ему приходской церкви нуждается ли онъ въ согласіи и соизволеніи одного только своего епископа? Златоустъ, какъ и зачастую, даетъ намъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ безъ накопленія и разслѣдованія излишнихъ свидѣтельствъ. „При самомъ также совершеніи страшныхъ таинствъ, говоритъ онъ, священникъ молится за народъ и народъ молится за священника, потому что слова: *со духомъ твоимъ* означаютъ не что иное, какъ именно это. И молитвы благодаренія—также общія, потому что не одинъ священникъ приноситъ благодареніе (евхаристію), но и народъ. Получивъ сперва *отвѣтъ* отъ народа, а потомъ *согласіе*, что достойно и праведно совершаемое, начинаетъ священникъ благодареніе (евхаристію) (Толкованіе на 2 Кор. Бесѣда XVIII, 3).

Что же явствуетъ изъ произведеннаго нами систематическаго обзорѣнія канонической жизни церкви? Явствуетъ то, что ничто не совершается въ Церкви единоличнымъ произволомъ, но все творится съ соизволенія и согласія другихъ, а черезъ нихъ и черезъ общее соизволеніе и согласіе всей Церкви, такъ что вся Церковь является въ дѣйствованіяхъ своихъ согласнымъ и стройнымъ цѣлымъ или хоромъ въ мірѣ, въ общеніи и во взаимномъ соизволеніи совершающимъ всѣ дѣйствованія свои, весь предоставленный и порученный ей зодческій трудъ. Въ этомъ заключается весь основной строй ея. Указавъ на одну только часть этой стройной и цѣлокупной системы взаимосоглашенія и соизволенія, именно на необходимость для епископовъ дѣйствовать съ согласія митрополита и на необходимость для митрополита дѣйствовать съ согласія всѣхъ епископовъ, апостольское правило усматриваетъ въ этомъ высокій догмати-

ческой смыслъ, т. е. не только правило порядка, но и правило внутренняго благочестія. „Ибо тако, заключаетъ оно, будетъ единомысліе (*ὁμόνοια*) и прославится Богъ и Господь во Святомъ Духѣ (собств. черезъ Господа или ради Господа—*διὰ κυρίου ἐν τῷ αὐτῷ πνεύματι*). Отецъ, Сынъ и Духъ Святой (Ап. 34), т. е. въ трудъ Сына, въ изданіи Сына,—въ церкви какъ тѣлѣ Его прославится все тріединое Божество. Что-же? Развѣ это единомысліе (*ὁμόνοια*) желательно и необходимо только на верхнихъ ступеняхъ церковной жизни, въ вѣнцѣ ея, и не представляется столь же желательнымъ и необходимымъ внизу, въ самыхъ ея основаніяхъ? Развѣ не должно быть такое же единомысліе въ приходѣ епископа, въ такъ называемой нынѣ его епархіи, да и не только въ немъ, но и въ подчиненномъ ему младшемъ приходѣ, гдѣ особому собранію передъ особымъ жертвенникомъ нынѣ предстоить пресвитерь? Само собою разумѣется, что и на низшихъ степеняхъ единомысліе, единомушіе столь же необходимо, какъ и на высшихъ, и даже составляетъ условіе, безъ котораго не можетъ быть жизненности, правоты, церковности въ единомысліи высшихъ. Апостольское правило указываетъ намъ ключъ къ достиженію и сохраненію этого единомыслія и единомушія, а этотъ ключъ—дѣйствование каждаго по соизволенію и согласію всѣхъ, дѣйствіе низшихъ по согласію и соизволенію высшихъ, а высшихъ по согласію и соизволенію низшихъ, да „прославится Богъ черезъ Господа во Святомъ Духѣ, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой“.

И все это выказываемъ мы не какъ пламенное, но личное свое пожеланіе, не какъ *piâ desideria*, а какъ выводъ изъ систематическаго обзорѣнія канонѣвъ, нами произведенный. Да и не мы высказываемъ этотъ выводъ; его говорятъ сами каноны, приводимые нами. Мы только приняли „тусклое стекло“ ложной теоріи, чрезъ которое обыкновенно разсматриваются каноны, исправили искажающіе смыслъ ихъ переводы, пояснили ихъ, гдѣ было можно и нужно, толкованіями святыхъ отцовъ и другихъ памятниковъ, представили ихъ неразрозненно, а въ стройной системѣ, которую они составляли и составляютъ. Инымъ канонической строй и не могъ быть и къ инымъ выводамъ систематическое его разсмотрѣніе и не могло привести насъ, ибо каноны, по крайней мѣрѣ древнѣйшіе, представляютъ только записъ апостольскаго пре-

данія, коимъ соборный строй церковной жизни и управленія, зиждущійся на соизволеніи и согласіи всѣхъ, утверждень и указанъ разъ навсегда, даже по свидѣтельству новозавѣтныхъ скрижалей. Развѣ не съ согласія и соизволенія всѣхъ, не при участіи всей церкви поставленъ былъ замѣстившій Іуду апостоль и развѣ не по согласію и не по соизволенію всѣхъ поставлены и рукоположены были семь діаконовъ?

Такъ объясняетъ дѣйствія эти сама церковь въ лицѣ Златоуста. И на первомъ соборѣ въ Іерусалимѣ опредѣленіе совершается и посылается „апостолами, пресвитерами и цѣлою церковью“ или „апостолами, пресвитерами и братіями“, и открывается словами: изволися Духу Святому и намъ. Но объ этомъ потребномъ согласіи и соизволеніи всѣхъ свидѣтельствуется новозавѣтное Писаніе не только изображеніемъ дѣйствій первыхъ проповѣдниковъ и основателей Церкви, но и излагаемымъ имъ ученіемъ. И Христось наносимое братомъ оскорбленіе внушаетъ повѣдать Церкви, не во имя возстановленія правъ обиженнаго, но для вразумленія и спасенія обидѣвшаго, не для пріобрѣтенія себѣ удовлетворенія, но для пріобрѣтенія брата своего. На смѣшную и преступную попытку доказать, что подъ Церковію подразумѣвается здѣсь только учащая Церковь или только предстоятели Церкви, возстаётъ черезъ вѣка противусвидѣтелемъ Златоустъ, ясно указующій, что именно Церковь, какъ собраніе вѣрующихъ, имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ Христось, проповѣдавшій не любоначаліе, а смиреніе.

И апостоль Павелъ предаетъ кровосмѣсника не суду какихъ либо предстоятелей Коринѣской церкви, а суду самой Церкви, и самъ издала подаетъ свой голосъ въ ея собраніи, присутствуя въ немъ духомъ, хотя и отсутствуя тѣломъ. Да и самое ученіе апостола Павла о Церкви, какъ тѣлѣ, уже предполагаетъ согласіе и соизволеніе всѣхъ въ общемъ зодческомъ трудѣ, ибо при всемъ обиліи даровъ и служеній не усматриваетъ онъ ни единицъ, ни чина вѣрующихъ, не имѣющихъ ни дара, ни служенія, не говоритъ, чтобы одни были членами тѣла Христова, а другіе только членами этихъ членовъ, зависящими отъ нихъ, а не отъ всего тѣла, въ которомъ живетъ Христось, да „прославится Богъ черезъ Сына во Святомъ Духѣ Отець, Сынъ и Духъ Святой“.

Но подробное разсмотрѣніе ученія о Церкви, какъ о тѣлѣ, хотя и могло бы освѣтить высказанныя ранѣе положенія, потребовало бы слишкомъ долгихъ съ нашей стороны разсужденій. Новозавѣтное Писаніе по счастью представляетъ намъ краткій своего рода канонъ, который стоитъ только понять во всей простотѣ его смысла, чтобы систематическое изложеніе каноновъ, ранѣе произведенное, вполне озарено было всѣмъ свѣтомъ новозавѣтнаго ученія. „Старшихъ среди васъ (τοὺς πρεσβυτέρους ἐν ὑμῖν) увѣщевалъ его,—состаршій (συνπρεσβύτερος) и свидѣтель страданій Христовыхъ... посите Божіе среди васъ стадо, надзираая (епископствуя—ἐπισκοποῦτε), не принужденно, но охотно по Богу, не по злой корысти, но усердно, *не какъ господствующіе надъ удѣломъ*, но становясь образцами стада (ἀλλὰ τύποι γινόμενοι τοῦ ποιμνίου) (1 Петр. V, 1—3). Что же значить господствовать надъ удѣломъ (κλήρος) и господствовать вообще? Разумѣется, не иное что, какъ налагать на нихъ свою волю, дѣлать ихъ орудіями и покорными исполнителями своей воли, требуя повиновенія независимо отъ согласія ихъ или несогласія. Кто просить, кто убѣждаетъ, тотъ дѣйствуетъ еще не какъ господствующій, ибо ему надо согласіе упрашиваемаго и убѣждаемаго, который можетъ и не соглашаться, устраняясь черезъ то отъ исполненія его воли. Кто повелѣваетъ, приказываетъ, поручаетъ, вообще проявляетъ единоличную власть, требуя себѣ повиновенія безъ согласія всѣхъ, на кого власть эта такъ или иначе распространяется, кого она такъ или иначе затрогиваетъ, тотъ дѣйствуетъ уже какъ господствующій, который и долженъ дѣйствовать такъ, какъ не долженъ, напротивъ, дѣйствовать среди Божьяго стада пасущій его, надзирающій, епископствующій. Что же? скажутъ намъ; если въ Церкви не должно быть повелѣвающихъ, приказывающихъ, подчиняющихся, то нѣтъ въ ней ни младшихъ ни старшихъ и не можетъ быть въ ней повиновенія, послушанія, когда все осуществляется только по взаимному соизволенію, по общему или взаимному согласію и не можетъ быть въ ней господства, владычества однихъ надъ другими?

Но развѣ повиновеніе можетъ быть только неразумнымъ, слѣпымъ, не отличающимъ правоты или неправоты требованія и развѣ примиримо оно со всею полнотою согласія по-

винующихся всегда и во всякомъ случаѣ, какъ можетъ представляться иногда, когда и повиновеніе можетъ вмѣниться въ грѣхъ? Вникнемъ же и въ дальнѣйшія слова апостола: „Такъ же младшіе повинуйтеся старшимъ и *всѣ, подчиняясь другъ другу*, облекшись смиренномудріемъ, потому что Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Итакъ, смиритесь подъ крѣпкую руку Божию, да вознесетъ васъ въ свое время“ (1 Петр. V, 5—6). Крѣпкая рука Божія, подъ которую надо смиряться, дѣйствуетъ въ Церкви зримо для младшаго, какъ и для старшаго, иногда даже виднѣе для перваго, чѣмъ для послѣдняго, а потому, смиряясь подъ крѣпкую руку Божию, онъ иногда не только можетъ, но и долженъ не смиряться въ силу того передъ старшимъ, отказывать ему въ повиновеніи и покорности. Церковь, по заповѣди апостола, есть союзъ всеобщаго подчиненія другъ другу, именно по общему для всѣхъ долгу смиряться подъ крѣпкую руку Божию, союзъ взаимоподчиненія всѣхъ, союзъ взаимоназиданія, взаимодѣйствія, согласной дѣятельности и зодчества всѣхъ. Этотъ завѣтъ воплотило апостольское преданіе; этотъ завѣтъ выразили записанные позднѣе, какъ часть этого преданія, каноны; этотъ завѣтъ въ совокупной своей системѣ охраняютъ они доселѣ для Церкви, „да прославится Богъ черезъ Сына во Святомъ Духѣ, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой“.

VII.

Я говорилъ уже, что критическій трудъ, которому посвященъ всѣ предшествовавшія страницы, состоялъ прежде всего въ томъ, чтобы сдвинуть то „тусклое стекло“, которымъ заслонены были до сего времени законы, представивъ ихъ какъ въ истинномъ историческомъ свѣтѣ ихъ, въ свѣтѣ апостольскаго преданія, такъ и въ ихъ взаимоотношеніи между собою, представляющемъ систему, которою опредѣляется строй церковной жизни и церковнаго управленія, точнѣе же самоуправленія.

Пересмотримъ же прежде, чѣмъ продолжать далѣе критическое наше изслѣдованіе, тѣ явныя послѣдствія разсматриванія черезъ „тусклое стекло“, которыми обосновывается опровергающая насъ и опровергаемая нами система „предсоборныхъ канонистовъ“. Дѣло дошло у нихъ до того,

что самое поручествованіе благодатию Божіей, „всегда немощная вспомошествовающей и недостаточная восполняющей“, обратили они въ проручествованіе епископомъ, отъ епископа, при чемъ даже самое проручествованіе истолковывали въ смыслѣ указанія рукою епископа (М. А. Остроумовъ). Что же причиняло и могло причинять подобное ихъ ослѣпленіе? Не иное что, какъ стремленіе доказать, что по отношенію ко всѣмъ вообще таинствамъ и священнодѣйствіямъ одну степень благодати, непосредственно имъ воспринимаемую имѣетъ епископъ, пресвитеръ же благодать посредственную, епископомъ ему передаваемую, а потому онъ можетъ дѣйствовать только по волѣ и по порученію епископа, въ качествѣ уполномоченнаго его и делегата. Но вѣдь и епископъ пріемлетъ благодать не непосредственно, а при рукоположеніи его епископами же, по крайней мѣрѣ, тремя. Что же? Развѣ онъ, получая благодать отъ этихъ трехъ епископовъ, является дѣйствующимъ въ качествѣ ихъ уполномоченнаго? Божественная благодать, на рукополагаемаго сходящая, не зависитъ отъ числа рукополагающихъ или преподающихъ ее, но преподается въ мѣру служенія, которое черезъ нее ввѣряется рукополагаемому. Одинъ епископъ рукополагаетъ въ пресвитера, діакона, чтеца и т. п., но благодать преподается въ мѣру предстоящаго рукополагаемому служенія, а не въ мѣру обладанія ею со стороны рукополагающаго. Да и одинъ ли только рукополагающій содѣйствуетъ преподаванію благодати? „Скрытно (*λαθροσίως*) да не совершается рукоположеніе“ (Прав. Теофила Алекс. 6). Главная цѣль этого воспрещенія, конечно, предоставленіе народу возможности свидѣтельствовать о рукополагаемомъ. Но не преслѣдуется ли при этомъ и другая еще цѣль—молитвенная? Обратимся къ древнѣйшему чину рукоположенія во епископа. „Когда настанетъ молчаніе, одинъ изъ первыхъ епископовъ, вмѣстѣ съ другими двумя, ставъ подлѣ жертвенника, между тѣмъ, какъ *прочіе епископы и пресвитеры* молятся тайно, а діаконы держатъ надъ главою рукополагаемаго раскрытыя божественныя евангелія, пусть говоритъ къ Богу“ (Апост. Пост. VIII, 4). О чемъ же должны тайно и тихо молиться всѣ епископы и пресвитеры, если не о томъ же, о чемъ громко и открыто просить Бога рукополагающій, вѣроятно, даже повторяя его слова или скрѣпляя ихъ своими? И, однако, если бы молитва

эта не представлялась необходимой, о ней, конечно, не было бы упомянуто, какъ о части послѣдованія. Въ чинѣ рукоположенія во пресвитера Апостольскія Постановленія, какъ уже было сказано, довольствуются приведеніемъ только молитвъ рукополагающаго, вѣроятно, во избѣжаніе повтореній. Однако во вступленіи все-таки говорится: „Рукополагая пресвитера, ты, епископъ, самъ возложи на него руку въ предстояніи тебѣ пресвитерства и діаконовъ и, молясь, говори“ (Апост. Пост. VIII, 16). Несомнѣнно, что, если пресвитеры должны были творить молитву—при рукоположеніи епископа, то тѣмъ болѣе должны они были творить таковую при рукоположеніи сопресвитера. Можно было бы предположить, что Апост. Постановленія совсѣмъ молчатъ о молитвѣ народа при рукоположеніи, хотя присутствіе народа не только подразумевается само собою, но и прямо требуется даже позднѣйшими канонами. Но это молчаніе есть только кажущееся. „По окончаніи этого молчанія, прочіе священники пусть говорятъ „аминь“, а съ ними и весь народъ.“ Что же обозначаетъ это „аминь“ присутствующихъ іереевъ и всего народа? Іустинъ мученикъ, описывая древнее богослуженіе, придаетъ литургическому „аминь“ значеніе *ἕνωσις*—да будетъ (Apolog. I, 65). Иеронимъ и Иларій Пиктавійскій называютъ „аминь“ печатью моленія, *orationis signaculum*. „Аминь“, говоритъ Августинъ, есть наша подпись, наше согласіе, наше подтвержденіе“ (*Sermo ad populum contra Pelasg.*). „Мірянинъ, по словамъ Θεодорита, послѣ возгласимыхъ молитвъ, отвѣтствуя „аминь“, становится участникомъ награды моленій, ничѣмъ не менѣе того, кто оныя въ собраніи произноситъ“ (На 2 Кор. I, 20). Безспорно, что „аминь“, имѣетъ не одно, а два или даже три значенія, которыя прекрасно воспроизводитъ одно весьма древнее латинское стихотвореніе:

Verum, vero, fiat, Amen tria denotat ista
 Si verum nomen, adverbium sit tibi vero,
 Amen, Amen vero, duo sunt adverbia vero,
 Amen pro fiat tibi verbum deficiens est.

Сообразно этимъ тремъ значеніямъ слова „аминь“ видоизмѣняется и богослужебное значеніе его въ зависимости отъ содержанія тѣхъ молитвъ, которыя имъ запечатлѣваются. Если молитва или точнѣе богослужебная формула выражаетъ только исповѣданіе существующаго, то и „аминь“ выражаетъ

согласіе съ исповѣданіемъ, признаніе истинности исповѣдуемаго (*nostra conscriptio est, consentio nostra est, adstipulatio nostra est. Augustinus*). Но если молитва выражаетъ пожеланіе, чтобы совершилось, произошло что либо, желательное, но еще не существующее или подлежащее возрастанію, увеличенію, напр. слава Божія на землѣ, то и „аминь“ будучи согласіемъ съ содержаніемъ прошенія, является участіемъ въ прошеніи, подтвержденіемъ просьбы или молитвы. Потому молится и священникъ, громко произносящій молитву, молится и народъ, скрѣпляющій ее своимъ: „аминь“—да будетъ, *ἡένοιτο, fiat*. Если просмотрѣть молитву, произносимую епископомъ или старшимъ между ними (*ὁ πρῶτος*) при рукоположеніи, то изъ содержанія ея нельзя будетъ не заключить, что завершающее, скрѣпляющее ее „аминь“ іереевъ и всего народа обозначаетъ не исповѣданіе, а молитвенный же призывъ, согласный съ молитвою произносящаго, т. е. *ἡένοιτο, fiat*, да будетъ! провозглашаемое со стороны іереевъ и народа.

Григорій Назіанзинъ, описывая возведеніе въ степень Евсевія Кесарійскаго (предшественника Василія Великаго), котораго собравшіеся епископы отказывались рукополагать, какъ неофита, и—который рукоположенъ былъ только подъ давленіемъ избравшаго его при участіи мѣстныхъ войскъ народа, введшаго его въ церковь и поставившаго его передъ епископами, говорить, что епископы дѣйствовали „болѣе руками, нежели духомъ“.

Передавая затѣмъ о достойномъ служеніи рукоположеннаго такимъ образомъ Евсевія Кесарійскаго, послужившемъ оправданіемъ пламенному желанію народа и войскъ (вѣроятно и въ этомъ случаѣ „христолюбивымъ“), имѣтъ его своимъ епископомъ, повѣствующій не подвергаетъ никакому сомнѣнію дѣйствительность самого рукоположенія. Какъ же объясняется это? Слѣдуетъ-ли предположить, что одно уже—механическое возложеніе рукъ со стороны надлежащаго числа епископовъ въ связи съ механически же произносимой ими формулой или молитвой довлѣетъ для совершенія таинства рукоположенія—даже и при безучастіи духа? Каноны отрицательно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Такъ напр. воспрещается рукополагать епископа, пресвитера, діакона или вообще въ какую либо степень церковнаго чина безъ

опредѣленія церкви, въ которую ставленникъ рукополагается, такъ какъ въ противномъ случаѣ рукоположеніе (именно произведенное возложеніе руки—*χειροθεσία* не дѣйствительно (*ἀχρὸν ἔχει τὴν τοιαύτην χειροθεσίαν* Халкид. 6). Точно также, если рукоположеніе совершено, хотя бы и надлежащимъ числомъ іерарховъ, но безъ вѣдома, безъ соизволенія (*ἀνευ γράμης*) митрополита области, рукоположенный не есть епископъ, не становится епископомъ (1 Ник. 6). Но митрополитъ, какъ ясно опредѣляется канонами, въ свою очередь ничего не можетъ творить безъ соизволенія епископовъ области, а потому рукоположеніе, совершенное тремя епископами, но безъ согласія всѣхъ епископовъ областной церкви, не дѣйствительно, не имѣетъ тайнодѣйственной силы. Итакъ, одно только механическое возложеніе рукъ въ связи съ произнесеніемъ сакраментальной формулы не творитъ еще рукоположенія. По отношенію къ рукоположенію епископа оно становится таковымъ только при указаніи на церковь, въ которую совершается рукоположеніе и при согласіи на рукоположеніе всѣхъ епископовъ области. При рукоположеніи же пресвитера или діакона, рукоположеніе имѣетъ силу только при указаніи церкви. Что подразумѣется въ данномъ случаѣ подъ указаніемъ? Пребываетъ ли церковь при семъ указаніи пассивною или активной? Мы видѣли изъ правила Теофила Александрійскаго, равно какъ и изъ другихъ свидѣтельствъ, что и клиръ и народъ отнюдь не представляются пассивными въ дѣлѣ рукоположенія, ибо требуется вопрошаніе клира и народа, „аще можетъ и народъ свидѣтельствовать о рукополагаемомъ. „Скрытно же (*λαθραίως*)—да не совершается рукоположеніе“. Ну, а если оно тѣмъ не менѣе было совершено? Имѣетъ ли совершенное такимъ образомъ рукоположеніе силу или остается бездѣйственнымъ, какъ рукоположеніе, совершенное безъ соизволенія митрополита или безъ указанія церкви, въ которую оно происходитъ. Итакъ, при отсутствіи нѣкоторыхъ условій рукоположеніе можетъ почитаться или быть бездѣйственнымъ. Таково именно значеніе употребленнаго въ канонѣ выраженія *αχρὸν*—не имѣющее силы, вѣса, права на что либо, власти надъ чѣмъ либо или къ чему либо; недѣйствительное, несобственное—упраздненное, отмѣненное. Послѣднія два значенія въ данномъ случаѣ отпадаютъ, такъ какъ 6 Халки-

донское правило не подразумѣваетъ ни акта отмѣны или упраздненія, ни ихъ отмѣняющей или упраздняющей власти. Чтобы быть дѣйствительнымъ, имѣющимъ силу, рукоположеніе, по канону, не должно быть безусловнымъ и безразличнымъ (*ἀπολύτως* и *ἀπολέλυμενος*), не должно (по отношенію къ епископу) совершаться безъ соизволенія и согласія (*ἔνευ γράμης*) митрополита и епископовъ области и, наконецъ, не должно совершаться скрытно или тайно (*λαθραίως*).

Такъ засѣдавшіе въ Антиохіи епископы оспаривали дѣйствительность рукоположенія, полученнаго Аѳанасіемъ, именно опираясь на то, что „рукоположенъ онъ шестью, семью епископами *тайно, въ сокровенномъ мѣстѣ*“. Что же ствѣчаетъ на это соборъ египетскихъ епископовъ? Оспариваетъ ли онъ значеніе и примѣнимость самого приводимаго довода? Утверждаетъ ли онъ, что рукоположеніе, совершаемое шестью или семью епископами, хотя бы и въ тайнѣ и въ сокровенномъ мѣстѣ, само по себѣ уже представляется вполне и безусловно довлѣющимъ? Нѣтъ онъ отрицаетъ фактъ, а не доводъ и черезъ то свидѣтельствуетъ о значеніи, силѣ и основательности самого довода. „Это писали“, говорятъ бывшіе на соборѣ епископы, „и царятъ сіи люди, не отказывающіеся писать всякую ложь. Но что все множество жителей, всѣ принадлежащіе къ католической церкви, собравшись вмѣстѣ и вопіяли, взывали, требуя въ епископа церкви Аѳанасія и всенародно молили о семъ Христа въ продолженіе многихъ дней и ночей, заклинали насъ сдѣлать это, и сами не выходя изъ церкви и намъ не позволяя выйти,—этому свидѣтели и мы и весь городъ, и вся область. Ничего не было сказано противъ Аѳанасія, какъ ими писано; говорили же о немъ все прекрасное, называя его рачительнымъ, благоговѣйнымъ христіаниномъ, однимъ изъ подвижниковъ и по истинѣ епископомъ. И что рукополагали его многіе изъ насъ, *въ глазахъ у всѣхъ и при общемъ всѣхъ восклицаніи*, сему опять мы рукополагавшіе служимъ болѣе достовѣрными свидѣтелями, нежели тѣ, которыхъ при этомъ не было и которые говорятъ ложь“ (Аѳанасія Творен. Русск. пер. I, 295).

Утвержденію Антиохійцевъ, что Аѳанасій „рукоположенъ былъ тайно и въ сокровенномъ мѣстѣ“, Александрійскіе епи-

скопы противупоставляютъ свидѣтельство, что онъ рукоположенъ былъ передъ глазами всѣхъ и при общемъ всѣхъ восклицаніи. Это выясняется намъ, почему рукоположеніе не должно было совершаться тайно и скрытно, и подтверждаетъ указываемую Теофиломъ Александрійскимъ потребность, необходимость для рукоположенія избранія со стороны клира и свидѣтельства народа.

Правило Теофила Александрійскаго говоритъ о рукополагаемыхъ однимъ епископомъ, т. е. только о пресвитерахъ, діаконахъ и низшихъ клирикахъ. Повѣствованіе объ избраніи и рукоположеніи Аѳанасія Великаго, по существу имѣетъ весьма много общаго съ повѣствованіемъ Григорія Назіанзина объ избраніи и рукоположеніи Евсевія Кесарійскаго. Мы даже можемъ почитать ихъ вполне аналогичными. Если все множество жителей, т. е. весь народъ въ теченіе многихъ дней и ночей требовалъ епископомъ Аѳанасія, заклиналъ и молилъ рукоположить его бывшихъ въ Александріи шесть или семь епископовъ, то это явно доказываетъ, что со стороны епископовъ оказываемъ былъ нѣкоторый и притомъ весьма энергичный отпоръ. Иначе народу не предстояло бы надобности вопіять, взывать, молить, заклинять въ теченіе многихъ дней и ночей. Явно, что рукоположеніе Аѳанасія не было для рукоположившихъ его епископовъ или по крайней мѣрѣ части ихъ вполне добровольнымъ, но что они должны были уступить настоятельнымъ просьбамъ и требованіямъ народа. Что же побудило ихъ къ такой уступкѣ? Нѣкоторое насиліе со стороны народа и въ этомъ случаѣ было произведено, ибо народъ и самъ не выходилъ изъ церкви, ни епископамъ не давалъ расходиться. Итакъ, епископы были принуждены, вынуждены рукоположить Аѳанасія, какъ позднѣе въ Кесаріи вынуждены они были рукоположить Евсевія подъ влияніемъ болѣе грубаго, но по существу вполне аналогичнаго давленія. Въ обоихъ случаяхъ они дѣйствовали „болѣе руками, нежели духомъ“. И, однако, въ обоихъ случаяхъ представители Церкви, т. е. всѣ епископы Александріи и Григорій Назіанзинъ не допускаютъ и сомнѣнія въ годности и дѣйствительности рукоположенія. Какъ же объяснить это? Объясненія могутъ быть только два. На первомъ планѣ стоитъ предположеніе, что механическій актъ возложенія руки со стороны надлежащаго количества епи-

скоповъ въ связи съ механическимъ же произнесениемъ соотвѣтствующихъ словъ влечетъ за собою съ механической же необходимостью сообщеніе благодати рукополагаемому, а потому и дѣйствительность и годность самого рукоположенія. Но это объясненіе вполне устраняется тѣмъ, что, при законномъ совершеніи самаго акта рукоположенія, оно, по канонамъ, можетъ оказываться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и недѣйствительнымъ и не имѣющимъ силы, какъ указано было ранѣе, а потому о механической послѣдовательности и необходимости не можетъ быть и рѣчи. Григорій Назіанзинъ въ актѣ рукоположенія различаетъ дѣятельность рукъ и дѣятельность *духа*, работу *духа*. Подневольное или по крайней мѣрѣ недобровольное произнесеніе молитвенныхъ, богослужебныхъ, сокраментальныхъ формулъ со стороны рукополагавшихъ Евсевія Кесарійскаго епископовъ было бы дѣятельностью устъ, языка, легкихъ, но не дѣятельностью духа. Въ чемъ же могла бы заключаться дѣятельность *духа* при рукоположеніи? Разумѣется только и исключительно въ молитвѣ. Но подневольная молитва вынужденныхъ рукополагать врядъ ли могла бы быть вполне искреннею и дѣйственной.

Потому и Григорій Назіанзинъ говоритъ, что они дѣйствовали болѣе руками, нежели духомъ, что не исключаетъ молитвеннаго ихъ участія въ дѣлѣ рукоположенія вполне, но не могло бы не вызывать сомнѣнія въ дѣйствительности молитвъ. Но одними ли только молитвами рукополагающихъ осуществляется призывъ благодати божественной на рукополагаемаго? Мы видѣли, что при произнесеніи сопутствующей рукоположенію молитвы, по послѣдованію Апостольскихъ Постановленій, молятся всѣ епископы и пресвитеры, а народъ скрѣпляетъ молитву своимъ заключительнымъ „аминь“—да будетъ. Въ современномъ, но безспорно въ основаніяхъ весьма древнемъ чинѣ, молитвенная дѣятельность, молитвенное участіе всей церкви явствуетъ съ еще большею силой.

Молитвѣ при рукоположеніи предшествуетъ оповѣщеніе, что Божественная благодать избираетъ, проручествуетъ имѣющему быть рукоположеннымъ, а этому оповѣщенію предшествуетъ возглашаемое протодіакономъ „вонмемъ“. Это „вонмемъ“ призываетъ все церковное собраніе, всѣхъ вѣрующихъ наряду съ присутствующимъ клиромъ—сосредоточить все

вниманіе на совершаемомъ оповѣщеніи. Для чего? Для того ли, чтобы знать, принять къ свѣдѣнію, что рукополагается епископомъ или епископами *имярекъ*, а не кто либо иной? Нѣтъ! Для того, чтобы принять молитвенное участіе въ самомъ рукоположеніи, какъ это прямо и указывается словами архіерея. Но въ чемъ состоитъ суть самого оповѣщенія, независимо отъ сопровождающаго его призыва? Если бы присутствующимъ необходимо было знать имя рукополагаемаго, то и говорилось бы только о предстоящемъ рукоположеніи такого-то безъ всякаго указанія на Божественную благодать. Это и соотвѣтствовало бы вполнѣ общей, постоянной формулѣ преподаванія тайнодѣйственной благодати: крещается рабъ Божій такой-то, причащается рабъ Божій такой-то, обручается, вѣнчается и т. д. Въ данномъ же случаѣ формулы: рукополагается рабъ Божій такой-то не существуетъ, ибо не однимъ возложеніемъ рукъ совершается рукоположеніе. Притомъ же, если произносимая нынѣ формула оповѣщенія болѣе или менѣе исконна, а въ этомъ мы не имѣемъ основанія сомнѣваться, то при каноническомъ участіи народа и клира въ избраніи, испытаніи и одобреніи подлежащаго рукоположенію не представлялось бы ни надобности, ни смысла. Итакъ, отнюдь не въ этомъ, т. е. не въ наименованіи состоитъ самая суть оповѣщенія. А въ чемъ же? Въ томъ, что избраніе человѣческое признается избраніемъ самой Божественной благодати, проручествованіе людское оказывается проручествованіемъ самой Божественной благодати, „всегда немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей“. Другими словами, формула эта свидѣтельствуетъ, что въ человѣческомъ дѣйстви избранія совершалось, сказалось незримое дѣйствіе самой Божественной благодати, всегда восполняющей и врачующей дѣйствія немощныхъ и слабыхъ, т. е. въ данномъ случаѣ избирателей и т. д. Но что же даетъ епископу, произносящему, рассматриваемое нами право и власть отождествлять человѣческое избраніе или проручество съ выборомъ или проручествомъ Божественной благодати? Между произведеннымъ выборомъ и рукоположеніемъ совершается, какъ видно изъ каноническихъ данныхъ, изъ послѣдованія Апостольскихъ Постановленій и изъ множества историческихъ свидѣтельствъ, всенародное и всестороннее испытаніе избраннаго, приводящее къ одобренію или неодобренію,

къ признанію достоинства или недостойнства. Припомнимъ только описательное правило Теофила Александрійскаго и слова египетскихъ епископовъ объ избраніи, испытаніи, одобреніи и рукоположеніи Аванасія Александрійскаго. Такимъ образомъ архіерейское оповѣщеніе представляется послѣдствіемъ, выводомъ изъ произведеннаго имъ или ими всенароднаго испытанія, свидѣтельствванія, одобренія (*δοκιμασία*) избраннаго.

Выраженіе проручествующей избирательной дѣятельности Божественной благодати, врачующей немощное и восполняющей недостаточное, въ неотрѣшимомъ отъ этихъ свойствъ избирательномъ и испытующемъ дѣйствіи человѣческомъ еще ярче явствуется изъ формулы, сопровождающей возведеніе въ степень епископа. „Избраніемъ и искусомъ боголюбивѣйшихъ епископовъ и всего освященнаго собора, Божественная благодать“... и т. д. Кто подразумѣвается въ настоящемъ случаѣ подъ именемъ „всего—освященнаго собора“, рѣшить весьма трудно, ибо избирающій кандидатовъ и представляющій ихъ на высочайшее соизволеніе Святѣйшій Синодъ временами состоялъ исключительно только изъ однихъ архіереевъ. Подразумѣвать подъ всѣмъ „освященнымъ соборомъ“ участвующихъ въ немъ двухъ—трехъ лицъ изъ бѣлаго духовенства было по меньшей степени странно. Такимъ образомъ участіе „всего освященнаго собора“ въ избраніи и испытаніи рукополагаемаго представляется въ настоящее время предразсудкомъ. Но „предразсудокъ—онъ обломокъ древней правды“ по глубоко вѣрному выраженію поэта. Перенесемъ же мысленно въ тотъ долго длившійся періодъ церковной практики, когда епископъ избирался клиромъ и народомъ мѣстной церкви, свидѣтельствовался, одобрялся и признавался достойнымъ не иначе, какъ при участіи вопрошаемыхъ клира и народа, а затѣмъ утверждался къ рукоположенію судомъ епископовъ. Чему же такимъ образомъ равносильно произносимое, какъ приступъ къ возведенію въ степень, оповѣщеніе о совершившемся дѣйствіи или содѣйствіи Божественной благодати? „Вы немощны, исповѣдуетъ произносимыми словами оповѣщающій, но Божественная благодать всегда врачуетъ немощныхъ; вы оскудѣваете (въ вѣрѣ, дѣйствіи, добрѣ), но Божественная благодать всегда восполняетъ все оскудѣвающее, а потому не вы только из-

брали возводимаго въ степень, а Божественная благодать избрала его чрезъ васъ; не вы только одобрили и признали его достойнымъ своими показаніями и свидѣтельствами, но сама Божественная благодать одобрила и признала его достойнымъ черезъ васъ, а потому теперь уже не вы проручаете его, какъ прежде, когда вы называли и проручествовали его (*ὀνομάζειν καὶ προχειρίζεσθαι*), но проручествуетъ его сама Божественная благодать.

Какую же цѣль имѣетъ самое оповѣщаніе или исповѣданіе совпаденія проручества человѣческаго съ проручествомъ Божественной благодати, избранія и одобренія человѣческаго съ избраніемъ и одобреніемъ Божественною благодатью? Цѣль эта совершенно ясно указывается непосредственно слѣдующими словами—словами, къ которымъ самое оповѣщеніе или исповѣданіе является только вступленіемъ. „Помолимся убо о немъ, да придетъ на него благодать всесвятаго Духа“ (*Εὐχόμεθα οὖν ἐπὶ αὐτόν . . κ. τ. λ.* итакъ, помолимся, помолимся же“). Отсюда мы не можемъ не сдѣлать слѣдующаго, въ высшей степени важнаго и въ догматическомъ отношеніи вывода, а именно того, что сообщеніе благодати Духа Святаго является не послѣдствіемъ чудотворной, скорѣе же магической формулы, своего рода заклинанія, произносимаго рукополагающимъ, а плодомъ молитвы, молитвеннаго призыва и притомъ молитвеннаго призыва, всю церковь совершаемаго. Если бы достаточно было для совершенія таинства молитвы и молитвеннаго призыва рукополагающаго, то не призывалась бы къ молитвѣ вся церковь, и ея участіе было бы вполне безполезнымъ. Итакъ, тайнодѣйствіе—совершается молитвою и притомъ общею молитвою всей церкви.

Н. Аксаковъ.

Продолженіе слѣдуетъ.
